

Тамъ егеръ, старый бичъ Кавказа,
 Притекъ отъ Кура на Аргунъ
 Метать свой гибельный перунъ;
 А тамъ летучая зараза,
 Неумолимый Карабахъ,
 Съ кривою саблею въ рукахъ,
 Какъ черный духъ, мелькаетъ, рубить
 Ожесточеннаго бойца,
 И опрокинутаго губить
 Стальнымъ копытомъ жеребца.
 Куртинъ, казакъ и персіянинъ,
 Свирѣпый турокъ, христіанинъ,
 Пришельцы дальней стороны,
 Краса грузинскихъ легионовъ—
 Все пало тучею драконовъ
 На чадъ разбоя и войны...
 И все утихло: гласъ молитвы
 Въ дыму, надъ грудой братнихъ тѣлъ,
 И шумъ, и стонъ, и грохотъ битвы...
 Осталась память славныхъ дѣлъ!

Одинъ, подъ ризою ночною,
 Въ туманѣ влажномъ и сыромъ,
 Съ моею подругою—мечтою
 Сижу на камнѣ гробовомъ.
 Не крестъ—символь души скорбящей—
 Стоитъ надъ чуждымъ мертвецомъ:
 Онъ славенъ гибельнымъ мечемъ,
 А мечъ—символь его грозящій...
 Быть-можетъ, тѣнь его парить,
 Облекшись въ бурю, надо мною,
 И невидимою рукою
 Пришельцу дерзкому грозить;
 Быть-можетъ, въ битвѣ оживляла
 Она отчизны бранный духъ
 И снова къ мести призывала
 Сокрытый въ пеплѣ Герменчугъ.

